

УДК 82-2

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-74-83

## ЛЕРМОНТОВСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ДУЭЛЬ»: ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КРУГОЗОР ГЕРОЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ

**Алпатова Т. А.**

*Государственный университет просвещения*

*105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 А, стр. 2, Российская Федерация*

### **Аннотация**

**Цель.** Выявить специфику раскрытия лермонтовских мотивов в повести А. П. Чехова «Дуэль», уточнить особенности историко-литературной и историко-культурной концепции, отражённую в характеристике Лаевского как специфической разновидности «героя-читателя», раскрыть значение романа «Герой нашего времени» как прецедентной базы представлений Чехова о «герое времени» и «лишнем человеке» с учётом текстов, связанных с осмыслением романа Лермонтова в русской литературе и публицистике второй половины XIX в.

**Процедура и методы.** Предлагаемый в статье анализ базируется на принципах историко-генетического и сравнительно-типологического рассмотрения литературного произведения. Характеристика основных элементов текста повести «Дуэль», сопоставимых с романом Лермонтова «Герой нашего времени», проводится с учётом особенностей чеховской работы с источником, предполагающей смещение акцентов как в характеристиках персонажей, так и в развёртывании ключевых сюжетных ситуаций, в первую очередь самой «Дуэли», что позволило эксплицировать мотив трансформации героя, имплицитно заложенный во внутренней эволюции лермонтовского Печорина.

**Результаты.** Проведённый анализ позволил уточнить историко-литературную и историко-культурную концепцию Чехова, специфику его представлений об общественно-литературном типе «лишнего человека» и значение для их оформления произведений не только Лермонтова, но и сопоставимых с ним – Пушкина, Тургенева; установлена основа для сопоставления повести Чехова и Н. А. Осиповича (Новодворского) «Эпизод из жизни ни павы, ни ворона». Определена специфика трансформации у Чехова лермонтовских мотивов изображения «героя времени», выстраивания перспективы его развития и возможностей обретения истинного места в жизни.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** Результаты исследования могут быть основой для рассмотрения историко-литературной концепции Чехова в целом, а также изучения литературного типа «лишнего человека», мотива героя-читателя в литературном произведении, а также глубинных процессов трансформации, происходящих в русской литературе рубежа XIX – XX вв.

**Ключевые слова:** А. Чехов, историко-литературная концепция, «лишний человек», М. Лермонтов, Н. Осипович (Новодворский), персонаж литературного произведения

## LERMONTOV'S MOTIFS IN A. P. CHEKHOV'S STORY "THE DUEL": THE READER'S OUTLOOK OF THE PROTAGONIST AND THE TRANSFORMATION OF ARTISTIC FORM

**T. Alpatova**

*Federal State University of Education*

*ul. Radio 10A bld 2, Moscow 105005, Russian Federation*

### **Abstract**

**Aim.** To identify the specifics of the disclosure of Lermontov's motifs in A. P. Chekhov's story "The Duel", to clarify the specifics of the historical-literary and historical-cultural concept reflected in the characterization of Laevsky as a specific type of "protagonist-reader", to reveal the significance of the novel "A Hero of Our Time" as a precedent basis for Chekhov's ideas about the "hero of the time" and the "superfluous man", taking into account the texts associated with the understanding of Lermontov's novel in the Russian literature and journalism of the second half of the 19<sup>th</sup> century.

**Methodology.** The analysis proposed in the article is based on the principles of historical-genetic and comparative-typological examination of the literary work. The characteristics of the main elements of the text of the story "The Duel", comparable with Lermontov's novel "A Hero of Our Time", are carried out taking into account the peculiarities of Chekhov's work with the source, which involves a shift in emphasis both in the characteristics of the characters and in the development of key plot situations, primarily in "The Duel" itself, which made it possible to explicate the motive of the protagonist's transformation, implicitly embedded in the internal evolution of Lermontov's Pechorin.

**Results.** The conducted analysis made it possible to clarify the historical-literary and historical-cultural concept of Chekhov, the specificity of his ideas about the social-literary type of the "superfluous man" and the significance for their design of works not only of Lermontov, but also those equal to him – Pushkin, Turgenev; the basis for comparing the story of Chekhov and N. A. Osipovich (Novodvorskyy) "Episode from the life of neither peahen nor crow" was established. The specificity of the transformation of Lermontov's motifs of the image of the "hero of the time" in Chekhov, the construction of the prospect of his development and the possibilities of finding a true place in life was determined.

**Research implications.** The results of the study can be the basis for considering the historical and literary concept of Chekhov as a whole, as well as studying the literary type of the "superfluous man", the protagonist-reader motif in a literary work, as well as the deep processes of transformation occurring in Russian literature at the turn of the 19<sup>th</sup> and 20<sup>th</sup> centuries.

**Keywords:** A. Chekhov, historical and literary concept, "superfluous man", M. Lermontov, N. Osipovich (Novodvorskyy), character of a literary work

### **Введение**

Творческое взаимодействие А. П. Чехова с литературной традицией не раз становилось предметом исследовательского интереса [5, с. 100–111; 6, с. 437–450; 10, с. 218–258]. И среди интертекстуально насыщенных произведений писателя повесть «Дуэль» занимает одно из первых мест; о своеобразных «метатекстах»-диалогах Чехова с Г. Флобером, Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым говорят применительно к этой повести многие авторы – притом всякий раз речь идёт об осознанной

творческой стратегии, интертекстуальный диалог с предшественниками выстраивается им вполне открыто, все оттенки возможного взаимодействия, от лёгкой иронии до сарказма, открываются в его отсылках к разнообразным мотивам российской и мировой литературы.

«Лермонтовский текст», связанный в первую очередь с «Героем нашего времени», также вполне очевидно считывается в повести, и не раз становился предметом внимания [2, с. 145–148; 3, с. 448–452; 4, с. 82–84; 8, с. 153–159]. Цель данной статьи – рассмотреть интертекстуальное

взаимодействие «Дуэли» с лермонтовскими претекстами как художественную систему, что позволяет выявить специфику чеховской концепции человека, взгляд писателя на возможности его развития, внешних и внутренних импульсов к трансформации, пределов преобразования человеческой души. Предметом наблюдения здесь будут не только очевидные сюжетные переклички с заявленными в тексте повести отсылками к «дуэльным» страницам лермонтовского романа, но и менее очевидные параллели, связанные с особенностями субъектно-объектной организации текста, выстраивание в нём повествовательной перспективы, видение пространственно-временных «координат», концептуализация проблем случая и судьбы в произведении. В итоге это позволяет не только прояснить линию творческого взаимодействия «Чехов и Лермонтов», но и понять специфику художественной философии писателей, в первую очередь в аспекте видения «героя времени» не только как этической, но и в первую очередь как эстетической проблемы.

При этом возможной базой для сопоставления видятся два момента. Первый – специфическое представление Чеховым лермонтовского претекста, который раскрывается не просто как единичное явление, но в контексте своеобразной «историко-литературной концепции», притом эксплицируемой на своеобразном пересечении «кругозоров» Автора – Героя – и гипотетического Читателя. Это в значительной мере отличает «лермонтовский текст» повести от иных, в первую очередь «флоберовского» и «толстовского», которые раскрываются, по-видимому, более традиционно [5, с. 100–111; 6, с. 437–450]. «Лермонтовский текст» – система реминисценций из произведений Лермонтова – попадает в повести в своеобразное проблемно-символическое поле определения «лишнего человека» и полемики с ним, притягивает к себе целый ряд других значимых для Чехова культурно-исторических ассоциаций (Пушкина, Белинского,

Тургенева и др.). Однако в силу важности «печоринского» контекста определения этого культурно-исторического типажа, т. е. истолкования «героя времени» с точки зрения его участия / неучастия в органичном жизненном потоке, именно Печорин становится для Лаевского как «герой времени» в осмыслении Чехова той самой жизненной моделью, взаимодействие с которой может оцениваться совершенно по-разному, причём динамика его оценки соответствует динамике психологического изменения чеховского героя. Таким образом, специфика подхода к «лермонтовскому тексту» «Дуэли» видится в том, что своеобразие её «идейной структуры» задаёт позицию Лаевского как «героя-читателя», он соотнесён с Печориным не только в авторском и читательском, но прежде всего в собственном кругозоре, что делает диалог с «Героем нашего времени» на страницах повести особенно причудливым.

Второй аспект, который необходимо учитывать, – особая природа лермонтовского романа, который, как и чеховская повесть, отличается не просто богатством реминисцентных отсылок, но внутренне динамичной природой самого повествования, структура которого становится своеобразным самостоятельным «эстетическим объектом» для читателя [7, с. 66–76]. Этот эффект «динамичного», «становящегося» повествования, знакомый русской литературе лермонтовского времени прежде всего по формальным поискам прозы Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, а в западноевропейской литературной традиции связывавшийся с художественным опытом Л. Стерна, актуализировался в переходные литературные эпохи, когда трансформация художественной формы оказывалась особенно востребована [1, с. 67–74]. Чеховская «Дуэль» создавалась именно на этом этапе развития русской литературы, что делает анализ её «лермонтовского текста» как базы эстетической трансформации особенно востребованным.

### **«Герой-читатель» и возможности художественной трансформации текста**

Тип героя-читателя без преувеличения можно назвать одним из основных для выстраивания метапоэтического плана эпического и драматического произведения; в этом качестве он уступает только «герою-писателю», делающему возможными и вовсе очевидное «поэтологическое высказывание». Традиция более или менее подробно характеризовать читательские вкусы героя и делать их основой его характеристики (а иногда и своеобразной расшифровкой мотивов поведения) также связана с художественными опытом литературы сентиментализма и порождённой ею моделью выстраивания «читательского сочувствия», основанного на единстве эмоционального опыта «читателей»-персонажей и собственно читательской аудитории (приём, многократно обыгранный в «Письмах русского путешественника» и повестях Н. М. Карамзина, а впоследствии у Пушкина). В «Герое нашего времени» читательский опыт героев (прежде всего Печорина, но также Повествователя в «Бэле» и «Максими Максимыче», Грушницкого, Вернера, Веры, княжны Мери) выявлен не столь открыто, но безусловно определяет и поведение героев, и своеобразные «маски», которые они надевают и на себя, и на ближнего, в постижении его личности и общении. При этом «литературность» восприятия и собственной судьбы, и жизненных ситуаций в большинстве случаев становится для лермонтовских героев ограничением, не позволяя видеть подлинный смысл происходящего и собственной судьбы.

Рассматриваемый с этой точки зрения Лаевский оказывается, по сути, пределом развития подобной «литературности». Из предыстории героя, тщательно воссозданной в повести, становится ясен род его занятий (всегда важный для Чехова): он филолог, получил образование, связанное с литературой, и именно в этом качестве его воспринимают окружающие, в первую очередь Самойленко, который ценит

Лаевского за то, что тот «...был когда-то на филологическом факультете, выписывал теперь два толстых журнала, говорил часто так умно, что только немногие его понимали».<sup>1</sup> Личность и поведение Лаевского определяются его способностью владеть словом – обратной стороной этого качества героя оказывается поглощённость различными литературными моделями, копируя которые, он теряет способность к органичной, истинной, наполненной жизни.

«Лермонтовский» фон подобного поведения обуславливается в повести тремя основными способами: а) непосредственно упоминаниями Печорина как литературного героя, так или иначе связанного с представлениями о Лаевском; б) характеристики героем собственного поведения, которые напоминали сложившиеся к концу 1880-х гг. истолкования видения мира, воплощённого Лермонтовым в мирозерцании Печорина; в) отсылки к иным литературным произведениям, также связанным в сознании современников с проблемой изображения «лишнего человека» и включавшим «печоринский» контекст. При этом «круг чтения» Лаевского расширяется и, помимо собственно лермонтовских претекстов (в первую очередь «Героя нашего времени»), частью его оказываются и литературная критика, и инспирированная «лермонтовской» проблематикой беллетристическая литература, входившая в читательский кругозор современников Чехова, который благодаря этому «пересекался» с кругозором героя. Лаевский не просто «знает» Печорина как «читатель» и в известной степени подражает ему; он знаком и со сложившейся читательской и литературной рецепцией этого образа, почему и готов к возможности больших философско-антропологических и эстетических обобщений, связанных с печоринским началом – и в собственной душе, и в культурно-исторических реалиях эпохи,

<sup>1</sup> Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 359.

входящих в контекст чеховской повести благодаря личности главного героя.

**Феномен «лишнего человека»  
в представлении Лаевского:  
текст и контексты**

Собственную личность Лаевский обозначает с помощью различных устойчивых критико-публицистических формул, что позволило Чехову достигать двоякого эффекта иронии – как по отношению к герою, так и самим закреплённым за ним «штампам», – не способные приблизить человека ни к пониманию собственной судьбы, ни тем более к изменению её, они неминуемо становятся своеобразной «ширмой», за которой он скрывается от жизни и избегает непосредственного действия.<sup>1</sup> Лаевский именует себя «неудачником», «лишним человеком», «человеком восьмидесятых годов», при этом его самооценка в подобном аспекте в первую очередь предполагает поглощённость чисто словесными, устойчивыми литературными формулами: «для нашего брата-неудачника и лишнего человека всё спасение в разговорах. Я должен обобщать каждый свой поступок, я должен находить объяснение и оправдание своей нелепой жизни в чьих-нибудь теориях, литературных типах...».<sup>2</sup>

Одним из таких типов является фигура Печорина – персонажа, уже с точки зрения современников Лермонтова предварявшего представления о «лишнем человеке», впоследствии концептуализированное формулой И. С. Тургенева («Дневник лишнего человека», 1850). При этом, характеризуя собственное поведение, Лаевский повторяет определение печоринской рефлексии, данное В. Г. Белинским, – благодаря чему в контекст чеховской повести входит не только сам лермонтовский персонаж, но и его литературно-критическое

осмысление, концептуализация феномена «лишнего» как ситуации, когда человек стремится к «действительной» деятельности, но не может осуществлять её, в результате чего неминуемо погружается в бесконечные размышления, всё дальше уходя от той самой «действительности», которая ему так желанна и необходима. «Отсюда это безверие в действительность чувства и мысли, это охлаждение к жизни, в которой ему видится то оптический обман, то бессмысленное мелькание китайских теней. Это переходное состояние духа, в котором для человека всё старое разрушено, а нового ещё нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем, и совершенный призрак в настоящем».<sup>3</sup>

Обозначая печоринскую рефлексия как центральную черту Лаевского, Чехов делает весь текст «Дуэли» своеобразным испытанием – и самого этого качества, и личности героя, «литературность» которого, и в особенности самохарактеристика в качестве «лишнего человека» неизбежно таит в себе опасность самопародии. Пародийный потенциал в повести реализуется главным образом благодаря суждениям о Лаевском фон Корена, который к тому же приносит их как почти цитатные, это то же, что Лаевский говорит о себе, но лишённое свойственного ему самолюбования, ср.: «В ответ на все мои вопросы он горько улыбался и говорил: “Я неудачник, лишний человек”, или “Что вы хотите, батенька, от нас, осколков крепостничества?”, или “Мы вырождаемся”».<sup>4</sup> При этом самоуверенность фон Корена, лишаящая его высказывания убедительности, в контексте повести как художественного целого не позволяет принять его установку на развенчание типажа «лишнего человека» применительно

<sup>1</sup> Ср. концепцию глобальных коммуникативных разрывов как отражение чеховской рефлексии о языке, предложенное А. Д. Степановым [12].

<sup>2</sup> Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 355.

<sup>3</sup> Белинский В. Г. Герой нашего времени. Соч. М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 4: Статьи и рецензии: 1840–1841. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 235.

<sup>4</sup> Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 370.



к Лаевскому – в том числе применительно к чисто литературным штампам, за которыми пытается скрываться герой, когда «...начинает нести длинную галиматью об Онегине, Печорине, байроновском Каине, Базарове, про которых говорил: “Это наши отцы по плоти и духу”».<sup>1</sup>

В данном случае предложенный ряд литературных типов (Онегин – Печорин – байроновский Каин – Базаров) и очевидная установка на выявление «наследования», символического сыновства, связывающая литературных героев прошлого и нынешнего «героя времени», возможно, указывают на один неочевидный претекст «Дуэли» – повесть А. О. Осиповича (Новодворского) «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны (Дневник домашнего учителя)» (1877; первоначально была опубликована в журнале «Отечественные записки», 1877, № 6, с. 331–352).<sup>2</sup> Здесь предложено специфическое обозначение для персонажа, не имеющего сил и возможностей найти своё место в жизни. «Ни пава, ни ворона» (а также «кающийся дворянин» и «Белинский» как своеобразные культурно-психологические типажии) оказывается «сыном» Печорина, «внуком» Демона, братом Рудина и Базарова; при этом с чеховской повестью произведение Осиповича сближает также неоднозначность оценок как самого персонажа-повествователя, так и его литературной «семьи», большое значение пародийно-сатирических интонаций, которые в то же время не исчерпывают представлений о «лишнем человеке», и ощущение глубокого психологического драматизма, несмотря ни на что, сохраняется в изображении его в самых различных жизненных ситуациях.<sup>3</sup>

### Лермонтовские реминисценции в «Дуэли» и проблема личностной трансформации героя

Помимо эксплицированных в тексте самохарактеристиках Лаевского как «Печорина» и упрёков, адресованных ему фон Кореном за это очевидное сходство, в повести Чехова предлагается целый ряд отсылок к «Герою нашего времени» – как в системе персонажей и сюжетных ситуациях, так и в узнаваемых речевых формулах, а также связанной с ними философско-психологической линии повести.

В дополнение к линии «Лаевский – Печорин» в характеристиках чеховских героев реализуется потенциал уподобления «Самойленко – Вернер», а также ещё более очевидное «Самойленко – Максим Максимыч» и «Устимович – Вернер», поскольку доброта и мягкость Самойленко, с одной стороны, и романтическая поза Устимовича, с другой, позволяют именно в таком аспекте сопоставлять их с лермонтовской системой персонажей.

Ещё менее однозначно выстраиваются в чеховской повести параллели к сопоставлению «Печорин – Грушницкий». Реализуемая в рамках читательских ожиданий парой «Лаевский – фон Корен», параллель эта оказывается гораздо более запутанной. Это происходит прежде всего потому, что самоуверенность и неколебимая убежденность в собственной правоте фон Корена, неприемлемая в авторской логике Чехова, в то же время не находит и «лермонтовского» источника – во всяком случае, среди значимых для автора персонажей. С другой стороны, вопрос об эквиваленте лермонтовскому противо-

<sup>1</sup> Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 370.

<sup>2</sup> Осипович-Новодворский А. О. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны (Дневник домашнего учителя) / изд. подгот. В. И. Базанова. СПб.: Наука, 2005. 548 с.

<sup>3</sup> «Мой дедушка – «дух отрицанья, дух сомненья», или просто Демон, – умер естественной смертью, у себя в постели, соскучившись, вероятно, летаньем без толку над вершинами Кавказа и нелепым препровождением времени – побеждать сердца пре-

красных дам... Бедный дедушка! Он, в сущности, был чрезвычайно добр. ... У его постели собрались мы все: отец – Печорин, я, мои братья – Рудин и Базаров. Я прекрасно помню эту минуту. У двери почтительно вытянулся крепостной лакей во фраке и белых перчатках; у изголовья сидел отец, холодный и бесстрастный, словно происходившее вовсе не к нему относилось; мы, ребята, стояли...» (Осипович-Новодворский А. О. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны (Дневник домашнего учителя) / изд. подгот. В. И. Базанова. СПб.: Наука, 2005. С. 10–12).

поставлению Печорина и Грушницкого усложняется и в силу своеобразной двойственности Лаевского как «наследника» моделей поведения лермонтовских персонажей.

Ощущая себя Печориным и не раз подчёркивая это, чеховский герой в то же время периодически ведёт себя как Грушницкий – как в рамках искусственности, «литературности» принятой романтической позы, так и в силу его эмоциональности и детскости (над «моложавостью» Грушницкого иронизирует Печорин, и очевидную детскость Лаевского чувствует Самойленко<sup>1</sup>). В Лаевском, несмотря на очевидный «печоринский» контекст его поведения во многих сюжетных ситуациях, перед дуэлью проявляется и раздражительность, и неспособность удерживать надетую маску, и страх, маскируемый злостью, – те состояния, до которых доводит Грушницкого в своём жестоком психологическом эксперименте Печорин. Ср.: «Я ненавижу вас! Ненавижу! Ненавижу! Давно ненавижу» ... В мыслях он повалил фон Корена на землю и стал топтать его ногами... Выстрелить в ногу или в руку, ранить, потом посмеяться над ним...» – «Я себя презираю, а вас ненавижу ... Нам на земле вдвоём нет места...».<sup>2</sup>

Более условному, аналитичному изображению Лермонтовым «героя времени», разделённого между двумя воплощениями – подлинным и мнимым – у Чехова соответствует неоднозначно, необъяснимое в своей органической целостности изображение Лаевского – как бы Печорина и Грушницкого в одном лице, страдающе-

го и нелепого, способного подниматься к высотам самосознания – и в то же время жалкого. Уверенный в собственной «печоринской» природе, он, тем не менее, неминуемо был бы убит, как Грушницкий, если бы не вмешательство случайности – Провидения, реализованного в совершенно нелепых с рациональной точки зрения действиях дьякона [13, с. 164–169].

Размышления и поведение Лаевского в ночь перед дуэлью строятся по модели поведения Печорина в аналогичной сюжетной ситуации, но в итоге оказываются противоположными ему (ср. очевидное со-противопоставление героев: процесс письма, а затем и чтения, становится содержанием ночи перед дуэлью для Печорина, в то время как Лаевский не может писать). Отрешаясь от «литературности», он находит возможность живого действия – раскаяния и примирения с Надеждой Фёдоровной, что в итоге радикально меняет его состояние, ощущение жизни и видение её перспективы: «Он порывисто и крепко обнял её, осыпал поцелуями её колени и руки, потом, когда она что-то бормотала ему и вздрагивала от воспоминаний, он пригладил её волосы и, всматриваясь ей в лицо, понял, что эта несчастная, порочная женщина для него единственный близкий, родной и незаменимый человек. Когда он, выйдя из дому, садился в коляску, ему хотелось вернуться домой живым».<sup>3</sup> В этом аспекте чеховский герой оказывается соотнесён не столько с Печориным в фабульной репрезентации, которая неизбежно завершается его глубочайшим разочарованием в жизни и смертью, сколько с фигурой лермонтовского героя, осмысляемого в рамках «сюжета», пространственно-временные сдвиги которого создали для него эффект «бессмертия», понимаемого в лермонтовском романе как возможность покаяния и трансформации [11, с. 73–82]. Думается, этот лермонтовский контекст усиливал

<sup>1</sup> «Глядя на его согнутое тело, на глаза, устремлённые в одну точку, на бледное, вспотевшее лицо и впалые виски, на изгрызенные ногти и на туфлю, которая свесилась у пятки и обнаружила дурно заштопанный чулок, Самойленко проникся жалостью и, вероятно, потому, что Лаевский напомнил ему беспомощного ребёнка...». Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 359.

<sup>2</sup> Лермонтов М. Ю. Княжна Мери // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1981. С. 298.

<sup>3</sup> Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 439.

ощущение глубины тех изменений, которые происходят в финале «Дуэли» и с Лаевским, и с Надеждой Фёдоровной, и с фон Кореном, открывающими для себя если не «настоящую правду», то, во всяком случае, настоящие душевную боль и способность сострадать ей, что, по мысли Чехова, может оцениваться как важнейшее качество душевно зрелого человека.

### Заключение

Таким образом, анализ взаимодействия чеховской повести «Дуэль» с лермонтовским претекстом – романом «Герой нашего времени» – позволил выявить логику творческой переработки Чеховым художественных принципов и находок Лермонтова, а также выстроить систему приёмов, при помощи которых удалось создать глубокую, неоднозначную характеристику Лаевского как «героя времени». Чехов последовательно избегает прямого следования за логикой развития образа Печорина в лермонтовском романе, на-

ходя принципиально иной подход. Его Лаевский показан в повести как «читатель», «филолог», и потому он способен к сложному, стереоскопическому видению как образа Печорина, так и связанной с ним литературно-публицистической формулы «лишний человек», важной «репликой» в осмыслении которой и стала чеховская «Дуэль». Лаевский-персонаж при этом, реализуя в собственном поведении печоринские жизненные принципы, разочаровывается в «литературности» этой жизненной модели, что в конечном итоге позволяет чеховскому герою выбраться из духовного тупика – как представляется, с учётом той возможной стратегии его преодоления, которая имплицитно присутствует в «Герое нашего времени» как художественно-философском исследовании тупика героя, «лишнего» в своей внешней жизни, но выходящего к единению с миром в развитии жизни внутренней.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2024.*

### ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Судьба традиций карамзинизма в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 67–74.
2. Дин И. Образ врача и его изображение в творчестве А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, М. А. Булгакова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6–2. С. 145–148.
3. Долженков П. Н. Образ Солёного в пьесе Чехова «Три сестры» и Лермонтов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-448-452>.
4. Захаркин А. Лермонтов и Чехов // Учёные записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. 1967. Т. 256. Ч. 1. С. 82–84.
5. Кибальник С. А. Гипертексты Флобера у Чехова // Литературоведческий журнал. 2021. № 3 (53). С. 100–111.
6. Кибальник С. А. Гипертексты «Анны Карениной» у Чехова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. № 28. С. 437–450.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Отзвуки поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 66–76. DOI: [10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76](https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76)
8. Кубасов А. В. Чехов и Лермонтов: образ «Героя нашего времени» в пьесе «Безотцовщина» // Лермонтовские чтения-II: материалы всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 7–9 октября 2004 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. С. 153–159.
9. Молчанова Д. А. Путь к счастью в «кавказском» мегатексте русской литературы (на материале рассказа А. П. Чехова «Дуэль») // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1. С. 102–121. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-102-121>.
10. Ребель Г. М. Чехов как Базаров. Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 218–258.



11. Рудакова С. В., Петров А. В. Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. № 1 (89). С. 73–82. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>.
12. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2005. 396 с.
13. Яхьяева З. И. Дуэль как акт агрессии в произведениях русских писателей XIX века (М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов) // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 9. С. 164–169.

## REFERENCES

1. Alpatova T. A. [The Fate of the Traditions of Karamzinism in the Works of M. Yu. Lermontov]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, no. 6, pp. 67–74.
2. Ding Y. [Essential Properties of the Doctor and their Image in A.P. Chekhov, M.Yu. Lermontov, M.A. Bulgakov]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Series: Humanities], 2023, no. 6–2, pp. 145–148.
3. Dolzhenkov P. N. [The Image of Solyony in Chekhov's Play "Three Sisters" and Lermontov]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika* [Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 448–452. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-448-452>.
4. Zakharkin A. [Lermontov and Chekhov]. In: *Uchyonye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. I. Lenina* [Scientific Notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin], 1967, vol. 256, pt. 1, pp. 82–84.
5. Kibalnik S. A. [Flaubert's Hypertexts in Chekhov's works]. In: *Literaturovedcheskij zhurnal* [Literary Studies Journal], 2021, no. 3 (53), pp. 100–111.
6. Kibalnik S. A. [Hypertexts of "Anna Karenina" in Chekhov]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistsika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies], 2023, no. 28, pp. 437–450.
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. [Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" in the Artistic World of M. Yu. Lermontov]. In: *Otechestvennaya filologiya* [Domestic Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 66–76. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76
8. Kubasov A. V. [Chekhov and Lermontov: the image of the "Hero of Our Time" in the play "Fatherlessness"]. In: *Lermontovskie chteniya-II: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, Ekaterinburg, 7–9 oktyabrya 2004 g.* [Lermontov Readings-II: materials of the all-Russian scientific conference, Ekaterinburg, October 7–9, 2004]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2004, pp. 153–159.
9. Molchanova D. A. [The Path to Happiness in the "Caucasian" Megatext of Russian Literature (based on A. P. Chekhov's story "Duel")]. In: *Dva veka russkoj klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2023, vol. 5, no. 1, pp. 102–121. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-102-121>.
10. Rebel G. M. [Chekhov as Bazarov. The worldview and aesthetic aspects of Turgenev's tradition]. In: *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 2018, no. 3, pp. 218–258.
11. Rudakova S. V., Petrov A. V. [The difficult happiness of M. Yu. Lermontov's heroes (the pursuit of happiness of a truly unhappy person)]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2022, no. 1 (89), pp. 73–82. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>.
12. Stepanov A. D. *Problemy kommunikacii u Chekhova* [Problems of Communication in Chekhov]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury (Studia philologica) Publ., 2005. 396 p.
13. Yahyaeva Z. I. [Duel as an Act of Aggression in the Works of Russian Writers of the second half of the 19<sup>th</sup> Century (M.Yu. Lermontov, I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov)]. In: *Uspekhi humanitarnyh nauk* [Modern Humanities Success], 2023, no. 9, pp. 164–169.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;  
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

**INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

Tatiana A. Alpatova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Russian and Foreign Classical Literature, Federal State University of Education;  
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

**ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ**

Алпатова Т. А. Лермонтовские мотивы в повести А. П. Чехова «Дуэль»: читательский кругозор героя и трансформация художественной формы // Отечественная филология. 2024. № 5. С. 74–83.  
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-74-83

**FOR CITATION**

Alpatova T. A. Lermontov's Motifs in A. P. Chekhov's Story "The Duel": The Reader's Outlook of the Protagonist and the Transformation of Artistic Form. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 5, pp. 74–83.  
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-74-83